

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.70>

Миронова Вероника Евгеньевна

ОБРАЗ ЛОНДОНА В ДЕТЕКТИВНЫХ РАССКАЗАХ АРТУРА КОНАН ДОЙЛА И ЕГО ПЕРЕДАЧА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ Н. К. И М. Н. ЧУКОВСКИХ

Статья посвящена изучению образа Лондона в детективных рассказах А. К. Дойла и передачи основных характеристик города в переводах Н. К. и М. Н. Чуковских. Избегая подробных описаний городского пространства, Дойл вводит образ загадочного города. В работе рассматриваются наиболее репрезентативные описания Лондона, их интерпретация в русских переводах. Автор исследования впервые анализирует проблему восприятия образа Лондона и его передачи в переводах Н. К. и М. Н. Чуковских, опубликованных издательством "Детгиз". Основное внимание в работе акцентируется на выборе стратегий советских переводчиков, а также их оценке Лондона как центра социальных противоречий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/70.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 343-347. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

G. I. USPENSKY'S PERSONALITY AND CREATIVE WORK
IN THE CONTEXT OF DEBATES ON THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA
(“VEKHI” COLLECTION AND EVERYTHING RELATED TO IT)

Dyachuk Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
dia4uk.tanya@yandex.ru

The article for the first time analyses the reception of G. I. Uspensky's creative work and cultural and psychological image among “Vekhi” authors. “Vekhi” authors considered Uspensky a key figure among the Russian intellectuals. They regarded the writer's destiny in the context of fundamental problems associated with the spiritual essence and historical existence of a Russian intellectual. “Vekhi” authors discovered a range of ideas and emotions associated with “God-search” in Uspensky's creative work. The relevance of these ideas was shown in the article of “Vekhi” founder – M. O. Gershenzon. The implemented historical and literary study offers new understanding of Uspensky's creative individuality, the analysis of which has been previously based on the assessments of “Vekhi” ideological opponents – V. I. Lenin and G. V. Plekhanov.

Key words and phrases: G. I. Uspensky; “Vekhi”; P. B. Struve; M. O. Gershenzon; essay; problematics.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 06.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.70>

Статья посвящена изучению образа Лондона в детективных рассказах А. К. Дойла и передачи основных характеристик города в переводах Н. К. и М. Н. Чуковских. Избегая подробных описаний городского пространства, Дойл вводит образ загадочного города. В работе рассматриваются наиболее репрезентативные описания Лондона, их интерпретация в русских переводах. Автор исследования впервые анализирует проблему восприятия образа Лондона и его передачи в переводах Н. К. и М. Н. Чуковских, опубликованных издательством «Детгиз». Основное внимание в работе акцентируется на выборе стратегий советских переводчиков, а также их оценке Лондона как центра социальных противоречий.

Ключевые слова и фразы: образ Лондона; детективный рассказ; русский перевод; интерпретация; А. К. Дойл.

Миронова Вероника Евгеньевна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
miroнова@tpu.ru

**ОБРАЗ ЛОНДОНА В ДЕТЕКТИВНЫХ РАССКАЗАХ АРТУРА КОНАН ДОЙЛА
И ЕГО ПЕРЕДАЧА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ Н. К. И М. Н. ЧУКОВСКИХ**

Лондон как один из наиболее значимых и репрезентативных элементов национальной английской культуры на протяжении длительного времени привлекал внимание многих писателей. Так, в произведениях Ч. Диккенса, У. Теккерея, У. Коллинза, Э. Бульвер-Литтона можно встретить различные описания города с акцентом на социально-философской и психологической проблематике его образа. Исследования ряда ученых (Е. Д. Бородина, И. М. Ильченко [1], Э. В. Щербакова [12], Ю. С. Скороходько [11], И. В. Липчанская [7], А. А. Иванова [6], Ю. С. Магазенко [8]) заключались в разнообразной трактовке образа Лондона, изучении особенностей города и его неоднозначной роли в произведениях английских писателей.

Нередко, с одной стороны, читателю представляются многоликость, колорит и красота Лондона, а с другой – очевидна индивидуальная специфическая трансформация образа города, отражающая видение писателя и его замысел по введению в канву повествования Лондона в целях создания увлекательного сюжета, не лишённого правдоподобия. Артур Конан Дойл также обращался к Лондону в своих детективных рассказах как продолжатель викторианской традиции, в рамках которой столица Англии рассматривалась, с одной стороны, с реалистической точки зрения, как центр социальных противоречий, город возможностей и потерь, урбанистический повествовательный топос. С другой стороны, это место, обладающее многогранной символикой, насыщенное метафорами и философскими смыслами.

Актуальность исследования определяется повышенным интересом к изучению образа Лондона и его символической роли в английской литературе. Научная **новизна** обусловлена тем, что впервые анализируется образ английской столицы в рассказах А. К. Дойла в контексте переводческой рецепции Н. К. и М. Н. Чуковских. **Цель** статьи заключается в анализе образа Лондона, изображенного К. Дойлем, и его интерпретации Н. К. и М. Н. Чуковскими в переводах. Для реализации указанной цели необходимо представить основные характеристики Лондона, значимые для автора, а также выявить специфику переводческого восприятия города.

При анализе детективного творчества Артура Конан Дойла на первый взгляд создается впечатление, что писатель не уделяет изображению города достаточно внимания, однако, как справедливо утверждают Биргит Нойманн и Ян Рупп в своей статье «Формирование культурных топографий и динамика сериальности: дело Шерлока Холмса», рассказы английского писателя о великом сыщике приобретают особенное значение в представлении наиболее характерных английских реалий и пространств, отражающих национальную

специфику, колорит и очарование [10, с. 33]. «Изображая точно и живо знаковые места города, места, которые свидетельствуют о величии и славе Британской империи, и перемежая их с тем, что представляет собой темную сторону города, детективные истории Конан Дойла создают свой собственный образ Лондона fin-de-siècle, то есть Лондона на стыке веков» [Там же]. Прежде всего, Лондон Шерлока Холмса – это город знаков и символов, требующих расшифровки, что так характерно для сюжетов детективных рассказов. В произведениях Конан Дойла Лондон представлен как живой организм, способный влиять на судьбы героев детективных произведений, а также как символическое и целостное пространство, обладающее мистическим потенциалом. Эти особенности нередко стремились передать русские переводчики, предоставляя читателям возможность познакомиться как с английской литературой в целом, так и с конкретными знаковыми образами, отражающими национальные реалии Британии.

Повышенный интерес переводчиков к детективным рассказам Конан Дойла начал проявляться еще на рубеже XIX–XX веков, в это время появляется множество переводов, нередко выполненных анонимно, опубликованных в периодических изданиях, а также авторских сборниках. Со временем к работе над переводами обратились известные представители творческой интеллигенции. Наиболее известными переводчиками рассказов о Шерлоке Холмсе являются сын К. И. Чуковского Николай Корнеевич и его супруга Марина Николаевна, активно вовлеченные в переводческую деятельность в середине XX века. Интересно, что многие издания, публиковавшие переводы четы Чуковских, указывают на совместную работу переводчиков, однако Николай Корнеевич и Марина Николаевна работали отдельно над переводами разных рассказов. Н. К. Чуковский перевел рассказы «Пляшущие человечки», «Союз рыжих» и «Шесть наполеонов», в то время как М. Н. Чуковская является переводчицей рассказов «Пестрая лента», «Голубой карбункул» и «Человек с рассеченной губой». Впервые эти переводы появились в двух издательствах Воениздат: «Библиотечка журнала “Красноармеец”» и «Детгиз». Серия «Библиотечка журнала “Красноармеец”» была особенно популярной на фронте благодаря публикуемой приключенческой и юмористической литературе русских и зарубежных писателей. В 1945 году читатели познакомились с переводами рассказов «Союз рыжих» и «Шесть наполеонов», выполненными Н. К. Чуковским и вошедшими в сборник «Шесть наполеонов», а также рассказами «Пестрая лента» и «Голубой карбункул» в переводе М. Н. Чуковской, включенными в сборник «Пестрая лента». Издательство «Детгиз» ориентировалось, прежде всего, на детскую читательскую аудиторию, в этом же году появился авторский сборник под названием «Союз рыжих», в котором также были опубликованы переводы Чуковских. Интересно, что в качестве редактора сборника «Детгиза» выступал сам К. И. Чуковский, активно занимавшийся как разработкой теоретических основ художественного перевода, так и переводческой деятельностью. В настоящей статье используются примеры из переводов, опубликованных в «Детгизе», поскольку они в большей степени демонстрируют переводческую рецепцию четы Чуковских. В представленных переводах отражены основные реалии мира Шерлока Холмса, в частности образ Лондона и его специфики.

Одной из ключевых характеристик Лондона является его многоликость и неоднозначность. Лондон воспринимается как город контрастов: для одних – это источник процветания и изобилия, для других – место страданий, нищеты и грязи. Однако «жесткое противопоставление богатства и бедности нисколько не беспокоит Лондон, они не противостоят друг другу. Лондон дает возможность уживаться любым противоречиям, выставляя напоказ свои достижения, но и не скрывая пороков» [2, с. 27].

Пространство Лондона в рассказах Конан Дойла занимает значимое место. Как правило, во многих рассказах о Шерлоке Холмсе читатель находит несколько интересных фрагментов, изображающих улицы Лондона и его окрестности. Писатель не только вводит в повествование конкретные адреса и названия заведений английской столицы, но и стремится создать совершенно особый образ городского пространства. Так, в рассказе «Союз рыжих» интерес с этой точки зрения представляют два фрагмента повествования, изображающие улицы и площади Лондона. Первый фрагмент содержит описание площади Сэкс-Кобург-сквер.

Оригинал: “*It was a poky, little, shabby-genteel place, where four lines of dingy two-storeyed brick houses looked out into a small railed-in enclosure, where a lawn of weedy grass and a few clumps of faded laurel bushes made a hard fight against a smoke-laden and uncongenial atmosphere*” [16, p. 40].

Перевод Н. К. Чуковского: «Сэкс-Кобург-сквер – маленькая, безжизненная площадь с жалкими потугами на аристократический стиль. Четыре ряда грязноватых двухэтажных кирпичных домов глядят окнами на крохотный садик, заросший сорной травой, среди которой несколько блеклых лавровых кустов ведут тяжкую борьбу с насыщенным копотью воздухом» [4, с. 24].

Приведенный фрагмент демонстрирует запущенность места проживания героя Джабеза Уилсона, улицы, не отличавшейся чистотой и привлекательностью. В оригинале образ лондонской площади характеризуется отсутствием гармонии с природой, где даже кусты ведут тяжкую борьбу с загрязненным промышленностью воздухом, что переводчик вполне успешно интерпретировал метафорой «ведут тяжкую борьбу», адекватно отражающей противопоставление природы и цивилизации. Более того, Н. Чуковский вводит в описание фразу «с жалкими потугами на аристократический стиль», отсутствующую в подлиннике и акцентирующую внимание читателей на контрасте описываемого места с окружающим пространством, что усиливает противоречия, изображаемые в рассказе в целом.

Характерно, что и другое описание Лондона в рассказе «Союз рыжих» также основано на резком противопоставлении отдельных его улиц: “The road in which we found ourselves as we turned round the corner from the retired Saxe-Coburg Square presented as great a contrast to it as the front of a picture does to the back. It was one of the main arteries which conveyed the traffic of the City to the north and west. The roadway was blocked with

the *immense stream of commerce flowing in a double tide inward and outward*, while the footpaths were black with the *hurrying swarm of pedestrians*. It was difficult to realize as we looked at *the line of fine shops and stately business premises* that they really abutted *on the other side upon the faded and stagnant square* which we had just quitted" [16, p. 41]. Конан Дойл расширяет образ города, сравнивая его то с картиной ("as the front of a picture"), то с речным потоком ("*one of the main arteries*", "*immense stream of commerce flowing*", "*a double tide*"), подчеркивая разнообразие и непрерывность жизни города.

В переводе Н. К. Чуковского представлено следующее описание города: «Разница между Сэкс-Кобургсквером и тем, что мы увидели, когда свернули за угол, была столь же велика, как *разница между картиной и ее оборотной стороной*. За углом проходила *одна из главных артерий города*, соединяющая Сити с севером и западом. Эта *большая улица была вся забита экипажами, движущимися двумя потоками вправо и влево*, а на тротуарах *чернели рои пешеходов*. Глядя на *ряды прекрасных магазинов и роскошных контор*, трудно было представить себе, что позади этих самых домов находится *такая убогая, омертвевшая площадь*» [4, с. 25].

Примечателен лексический и семантический выбор переводчика, который во многом соответствует тексту оригинала. Н. К. Чуковский сохраняет авторский вариант образа картины как описание ее внешней и обратной стороны. Кроме того, Н. К. Чуковский проявляет самостоятельность, используя следующее описание города: «*большая улица была вся забита экипажами, движущимися двумя потоками вправо и влево*», – изображая два потока экипажей, а также вводя описание «большой улицы», отсутствовавшей в оригинале, делая образ города более объемным, как бы увеличивая территориально улицу с ее дорогами, хотя и оставляя за рамками переводного текста метафору "flowing in a double tide". "Swarm of pedestrians" в переводе представлен как «рои пешеходов» во множественном числе, вероятно, с целью представить более масштабный образ суетливых жителей, торопливо идущих по тротуару. Менее привлекательную часть улицы переводчик изобразил посредством введения в текст эпитета «убогая» для передачи определения "faded", акцентируя больше внимание не на бесцветности площади, а на ее заброшенности и нищете, а также «омертвевшая» для интерпретации "stagnant", что скорее характеризует площадь как лишённую жизни, чем лишённую движения. В целом такая интерпретация образа английской столицы способствовала формированию представления у русских читателей о Лондоне как центре социальных противоречий, нищеты и запустения.

Лондон как город контрастов представлен и в другом рассказе Конан Дойла «Шесть наполеонов», появившемся в «Детгизе» только в 1956 г. В оригинале читатель знакомится со следующим описанием: "In rapid succession we passed through *the fringe of fashionable London, hotel London, theatrical London, literary London, commercial London, and, finally, maritime London*, till we came to *a riverside city of a hundred thousand souls*, where the tenement houses swelter and reek with the *outcasts of Europe*" [15].

Конан Дойл изображает многогранный город, наполненный контрастами, богатыми и процветающими кварталами и грязными трущобами. Интересно, что английский писатель неоднократно с помощью эпитеты «Лондон» обращает внимание читателя на величие и разнообразие благополучной жизни столицы, в которой можно обрести как многочисленные удовольствия и развлечения, так и не менее обширные возможности процветания и удачи. Очевидно, что Н. К. Чуковский стремился передать контрастное описание Лондона как наиболее характерное и отражающее многогранную природу города: «*Мы поспешино проехали через фешенебельный Лондон, через Лондон гостиниц, через театральный Лондон, через литературный Лондон, через коммерческий Лондон, через Лондон морской, и, наконец, въехали в прибрежный район, застроенный доходными домами. Здесь кишмя кишела беднота, выброшенная сюда со всех концов Европы. Здесь, на широкой улице, мы нашли ту скульптурную мастерскую, которую разыскивали*» [5, с. 409].

Переводчик и здесь следует за оригиналом, сохраняя авторский замысел в изображении города с помощью упомянутой эпитеты «Лондон». Примечательна передача переводчиком образа бедного Лондона, прибрежного городка, приехавших из Европы: "*with the outcasts of Europe*" («беднота, выброшенная сюда со всех концов Европы»). Усиливая впечатление от социальных противоречий, переводчик изображает жителей города как лишних и бедных европейцев, отвергнутых бурлящей вокруг жизнью.

Примечательно, что переводчик использует фразеологизм «кишмя кишат», имеющий два основных значения: 1) шевелиться, беспорядочно двигаться (чаще всего применительно к мелким животным и насекомым); 2) быть наполненным чем-либо, находиться в большом количестве, как правило, в беспорядочном состоянии, усиливая впечатление от перенаселенности бедных кварталов.

Показательно, что Конан Дойл часто рисует в детективных рассказах туманный и мрачный облик Лондона, скрывающего опасный преступный мир, полный загадок и тайн. Особое значение в данном контексте имеет мотив лабиринта, нередко представленный в описании города, его улиц, а также старинных поместий и усадеб. Лабиринт является одним из древнейших архетипических образов в мировой литературе как структурообразующий компонент произведений художественной литературы, начиная с античной мифологии до постмодернистских романов. Мотив лабиринта представляется символом поиска, бытия, «это всегда путь, скитание, инициация, а также метафора выбора дороги» [9, с. 38]. Лабиринт обозначает такое место или сооружение, из которого невозможно выбраться либо сложно найти выход, а также символизирует благополучное или безуспешное нахождение ответов на важные вопросы или преодоление жизненных трудностей. Классический лабиринт символизирует путешествия, странствия человека. Мотив лабиринта и подобная его интерпретация применимы к сюжетам детективных рассказов Конан Дойла, поскольку лабиринты всегда скрывают тайны и загадки, которые ведут героев к раскрытию преступлений. В уже упомянутом рассказе «Союз рыжих» Лондон представлен как лабиринт для главных героев, пытающихся разгадать тайну

мошенничества: “We rattled through an endless labyrinth of gas-lit streets...” [16, p. 44]. В переводе Н. К. Чуковского образ Лондона-лабиринта тщательно сохранен: «Мы колесили по бесконечному лабиринту освещенных газом улиц...» [4, с. 28]. В приведенном фрагменте точно передан образ города как лабиринта улиц; при знакомстве с основным топосом детективных рассказов о Шерлоке Холмсе русскому читателю представлена возможность ясно представить в своем воображении Лондон великого сыщика.

В другом рассказе «Голубой карбункул» вновь появляется мотив лабиринта в описании города, когда один из героев “vanished amid the labyrinth of small streets which lie at the back of Tottenham Court Road” [14, p. 145]. Перевод, выполненный М. Н. Чуковской, транслирует данное описание как «в лабиринте небольших переулков, лежащих позади Тоттенхэм-Коорт-род» [3, с. 37]. Образ лабиринта вполне совпадает с авторским замыслом, за исключением «небольших переулков» вместо “small streets”, что свидетельствует о применении менее экспрессивных стилистических средств, нивелирующих образ тесных, маленьких улиц Лондона.

В другом эпизоде поездки Холмса и Ватсона на расследование автор вводит гармоничное описание улиц и маршрута героев, также соответствующее образу лабиринта: “...we passed across Holborn, down Endell Street, and so through a zigzag of slums to Covent Garden Market” [14, p. 155]. Характерно внимание Конан Дойла к деталям: писатель подробно описывает маршрут и географию реальных английских улиц, что зачастую игнорировалось русскими переводчиками. Однако в данном случае переводчица детально передает путь Шерлока Холмса и Ватсона по английским улицам: «Мы пересекли Холборн, пошли по Энделл-стрит и через какие-то трущобы вышли на Ковент-Гарденский рынок» [3, с. 48]. В данном случае описание изобилует большим количеством глаголов, делающим акцент на процессе движения героев по переулкам Лондона. При этом переводчица исключает образ лабиринта, заменяя его на словосочетание «какие-то трущобы», что, с одной стороны, обедняет образ города, но с другой – делает акцент на социальные противоречия, существующие в нем.

Следует отметить, что настоящая топография Лондона, действительно, извилистая, запутанная и неточная. Как справедливо отмечает исследователь Ф. Дж. Баркер, Лондон невозможно было бы построить, опираясь лишь на математические расчеты, так как многовековая история его улиц и площадей, полная тайн и загадок, свидетельствует о большом количестве английских домовладельцев, которые со временем сменяли друг друга. Такая сложная биография английской столицы вызывала затруднения строителей и картографов, которые пытались выявить логику в хаосе Лондона, работая над составлением карт и путеводителей города [13]. Это социальный и топографический факт, нашедший свое отражение в художественном образе Лондона в произведениях Конан Дойла.

В целом образ столицы Великобритании занимает значимое место в детективном творчестве Конан Дойла, выражавшего неоднозначное отношение к городу, хотя при этом очевидно любившего Лондон. Анализ русских переводов детективных рассказов Конан Дойла, выполненных Н. К. и М. Н. Чуковскими, отражает общие литературные тенденции того времени, проявляющиеся в усилении выразительных средств при описании социальных противоречий английской столицы, изображении Лондона как центра несправедливости и беззакония. Более того, переводы четы Чуковских предназначались для детской читательской аудитории, из которой планировалось воспитать непримиримых борцов с буржуазными ценностями и любым проявлением капиталистической идеологии, что нашло отражение в их интерпретациях образа Лондона.

Список источников

1. Бородина Е. Д., Ильченко И. М. Образ Лондона в рассказах У. Коллинза // Genius Loci: столицы мира в творчестве русских и зарубежных писателей: сборник статей II Научно-практической всероссийской конференции молодых ученых. Н. Новгород: НГПУ им. Козьмы Минина, 2018. С. 14-17.
2. Воробьева Л. В. Лондонский текст русской литературы первой трети XX века: дисс. ... к. филол. н. Томск, 2009. 184 с.
3. Дойл А. К. Голубой карбункул // Дойл А. К. Союз рыжих и другие рассказы. М. – Л.: Детгиз, 1945. С. 36-57.
4. Дойл А. К. Союз рыжих // Дойл А. К. Союз рыжих и другие рассказы. М. – Л.: Детгиз, 1945. С. 11-35.
5. Дойл А. К. Шесть Наполеонов // Дойл А. К. Записки о Шерлоке Холмсе. М.: Детгиз, 1956. С. 400-420.
6. Иванова А. А. Концепт «Лондон» в романе Чарльза Диккенса «Оливер Твист» [Электронный ресурс] // Молодежный научный форум: гуманитарные науки: электронный сб. ст. по мат-лам XV Студенческой международной заочной научно-практической конференции. URL: <https://nauchforum.ru/studconf/gum/xv/4179> (дата обращения: 20.02.2019).
7. Липчанская И. В. Образ Лондона в творчестве Питера Акройда: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иваново, 2014. 24 с.
8. Магазенко Ю. С. Образ Лондона в романах Ч. Диккенса // Eurasian Social Science Journal. 2014. № 12 (51). С. 110-112.
9. Макарова И. С., Анисимова О. В. Мотивы лабиринта и корабля в мировой литературе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 1. С. 38-43.
10. Нойманн Б., Рупп Я. Формирование культурных топографий и динамика сериальности: дело Шерлока Холмса // Топография популярной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 33-63.
11. Скороходько Ю. С. Образ Лондона в викторианском и неовикторианском романе [Электронный ресурс]. URL: <http://litmisto.org.ua/?p=25967> (дата обращения: 20.02.2019).
12. Щербакова Э. В. Лондон как текст в романах У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», «Записки Барри Линдона», «Ньюкомы»: дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2016. 187 с.
13. Barker F. J. The History of London in Maps. L.: Barrie and Jenkins, 1990. 176 p.
14. Doyle A. C. The Adventure of the Blue Carbuncle. L.: Collins Classics; Harper Press, 2013. 318 p.
15. Doyle A. C. The Adventure of the Six Napoleons [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eastoftheweb.com/short-stories/UBooks/AdveSix.shtml> (дата обращения: 22.07.2018).
16. Doyle A. C. The Red-headed League. L.: Collins Classics; Harper Press, 2013. 318 p.

**IMAGE OF LONDON IN DETECTIVE STORIES BY ARTHUR CONAN DOYLE
AND ITS RENDERING IN THE RUSSIAN TRANSLATIONS BY N. K. AND M. N. CHUKOVSKYS**

Mironova Veronika Evgen'evna
National Research Tomsk Polytechnic University
mironova@tpu.ru

The article is devoted to the analysis of London's image in A. K. Doyle's detective stories and the rendering of the main characteristics of the city in N. K. and M. N. Chukovskys' translations. Avoiding the detailed descriptions of urban space, Doyle introduces the image of a mysterious city. The paper discusses the most representative descriptions of London, their interpretation in the Russian translations. For the first time the author analyses the problem of London's image perception and its rendering in N. K. and M. N. Chukovskys' translations published by "Detgiz" (Soviet and Russian publishing house for children's literature). The focus of the work is on the choice of the Soviet translators' strategies, as well as their assessment of London as a centre of social contradictions.

Key words and phrases: image of London; detective story; Russian translation; interpretation; A. C. Doyle.

УДК 8; 821.161.1

Дата поступления рукописи: 23.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.71>

Статья посвящена осмыслению некоторых элементов поэтики романа А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в аспекте его принадлежности к «субжанру», или «промежуточному» жанру, филологической прозы. Исследуются особый тип автопсихологического героя и авторские повествовательные стратегии, насыщенные филологической рефлексией, среди которых выделяются демифологизация и мифологизация советской реальности, ее повседневного быта и исторического контекста, поэтика анекдота, интертекстуальные связи. Показывается, как «литературоцентризм» мышления автора и героя существенно трансформирует архитектонику и эстетику произведения.

Ключевые слова и фразы: филологическая проза; поэтика; повествование; автор и герой; А. П. Чудаков; «Ложится мгла на старые ступени».

Полупанова Анна Владимировна, к. филол. н.
Башкирский государственный университет, г. Уфа
avpolupanova@mail.ru

**ЧЕРТЫ ПОЭТИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
В РОМАНЕ А. П. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ»**

Яркой приметой литературного развития во второй половине XX – начале XXI столетия можно назвать становление нового жанрового мышления, которое предполагает трансформацию традиционных жанровых форм, появление межродовых и межжанровых образований, жанровый синкретизм, усиление взаимодействия между элементами жанровой системы. Среди бесчисленных новаторских модификаций прозы XX–XXI вв. безусловного исследовательского внимания заслуживает такой «субжанр» (С. Чупринин), «промежуточный» жанр (И. Степанова) отечественной словесности, как филологический роман, рожденный на стыке мемуарного, автобиографического, документального, эссеистического, отчасти научного дискурсов. Впервые термин «филологический роман» использовал А. Генис в качестве подзаголовка к своей книге «Довлатов и окрестности» (1999), а у истоков жанра стоят «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (1928) В. Каверина, «Пушкинский дом» (1971, опубл. в 1978) А. Битова, «Прогулки с Пушкиным» (1975) и «В тени Гоголя» (1975) А. Синявского (А. Терца). В новейшей русской прозе к числу наиболее значительных образчиков жанра относятся «Роман с языком» (2000) В. Новикова, «Записи и выписки» (2000) М. Гаспарова, «Эросипед и другие виньетки» (2003) А. Жолковского, «Буквы» (2008) М. Вишневецкой и другие тексты.

Среди жанрообразующих признаков филологической прозы выделяют: синтетическое построение произведения как «совокупности художественного, литературоведческого и культурологического текстов», определенным образом влияющее «на формирование литературного вкуса читателя, на повышение его информированности в филологической сфере, развитие его интереса к художественному творчеству и литературному языку» [4, с. 152]; развитие сюжета, обусловленное «вниманием к тексту, который своим возникновением обязан художнику» [3]; «вплотнение филологических идей в структуре романа, такое включение литературной или языковой теории в литературную практику, которое ведет к художественным открытиям» [7]. Традиционно к филологической принято относить прозу с главным героем – филологом, творческой личностью, обладающей особым взглядом на мир и профессиональным знанием о природе творчества, специфике творческого процесса. Между тем, по словам С. Чупринина, «нелишне будет, вероятно, рассмотреть под этим углом зрения и многочисленные романы Анатолия Наймана, романы Александра Чудакова “Ложится мгла на старые ступени”, Андрея Дмитриева “Закрытая книга”, Владимира Сорокина “Голубое сало”, объединяемые той важной ролью, какую играет в них собственно филологическая проблематика» [10, с. 608–609].